

Кто поджег

В 1933 г. фашисты обвинили компартию в поджоге рейхстага; через 8 лет по тому же сценарию обвинили евреев в пожарах на Крещатике

Евгений КАБАНЕЦ, ведущий научный сотрудник отдела истории Лавры Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника

В первые дни немецкой оккупации осенью 1941 г. центр Киева был опустошен взрывами и пожарами, нанесшими непоправимый урон историческому облику города. Обстоятельства этих трагических событий интерпретируются сейчас как акт бессмысленного вандализма и жесточайшего террора по отношению к мирным жителям со стороны коммунистического режима. Однако при этом упускается из виду, что упомянутые «разоблачения» основаны на... немецких пропагандистских материалах, состоящих из тенденциозно подобранных или откровенно сфальсифицированных сведений, печатавшихся в оккупационной прессе.

В дополнение к этим «свидетельствам» в современных массмедиа охотно используются откровения «анонимных очевидцев», рассуждения, заимствованные из беллетристики, а то и просто домыслы и голословные утверждения. Между тем в последнее время выявлено огромное количество документов, позволяющих воссоздать подлинную картину событий. Для этой цели мы воспользуемся свидетельствами, обнаруженными прежде всего в немецких архивах.

План минирования

В ходе оборонительных боев Киев и его окрестности действительно минировали саперные подразделения РККА, но последствия упомянутой операции сильно демонизированы, а «чекистский след» в ней и вовсе заимствован из «фольклорных» источников. Долгое время скрывалось, что немцы благодаря усилиям своей разведки смогли заблаговременно узнать о всех «специальных мероприятиях» советского командования внутри города.

Причем реальные масштабы этих «мероприятий» оказались несоизмеримо скромнее, нежели предполагают современные исследователи. Начальник штаба оперативного руководства вермахта генерал-полковник Альфред Йодль утверждал, что немцам удалось захватить «план подрыва, который включал 50 или 60 объектов в Киеве, уже подготовленных к уничтожению заранее; и этот план в действительности оказался верным, как сразу же показало расследование саперов. Было по крайней мере еще

40 объектов, подготовленных к взрыву, и большая часть из них должна была быть подорвана дистанционно посредством радиоволн...»

Здесь важно подчеркнуть, что, драматизируя обстановку в городе, Йодль смог подтвердить лишь факт самой подготовки взрывов и фактически признал, что никаких серьезных последствий эти приготовления не имели — немецкие саперы заранее знали об оставленных для них «сюрпризах» и сумели их

как у немцев уже находил трофейный советский радиодугас с инструкцией по его применению, и в город был срочно доставлен специальный взвод радиоперехвата (Horchzug), возглавляемый обер-лейтенантом Остером. Действиями этого взвода оккупанты сумели обезвредить советские радиодугасы и получили возможность безбоязненно позировать с ними для пропагандистской кинохроники.

«Забыл» Йодль сообщить и о том, что обычные жилые дома спецсредствами не минировались, что под-

чего предпринять, мистификация.

Специальный взвод радиоперехвата под командованием обер-лейтенанта Остера

«Странная война»

Но вернемся к советской радиомине. Эффективность ее применения на самом деле сильно преувеличена. Инженерное управление РККА попросту не успело к началу войны не только запустить радиомину в массовое производство, но и завершить ее испытания. Поэтому ради надежности в одно и то же здание зачастую складывалось одновременно сразу 2—3 радиодугаса, что снижало количество минированных объектов в несколько раз. Известно, что в Выборге и Харькове при помощи 30 радиоуправляемых устройств было суммарно заминировано всего 10—15 объектов.

Перебежчик, который выдал немцам план минирования Киева, сообщил о... 12 (sic!) заминированных зданиях (в них соответственно могло находиться 25—35 радиомин). Причем из подготовленных к взрыву объектов еще до захвата города были разрушены мосты через Днепр и некоторые транспортные развязки. Сюда же следует отнести диверсию в арсенале, осуществленную 20 сентября 1941 г. В остальных зданиях: ЦК КП(б)У (ныне — МИД), филиал Музея Ленина (Дом учителя), Дума (обком КП(б)У), Госбанк, оперный театр, Дом офицеров, Верховный Совет, Совнарком (Кабмин) — взрывы произведены не были, а следовательно, обвинения, мол, центральные районы города разрушены посредством радиомин, не выдерживают критики.

Итак, сведения, приведенные Йодлем, касались общего количества обезвреженных радиоустройств (2—3 на один объект), а не самих зданий; вдобавок в этих явно сбивчивых показаниях упоминалось и об обычных противопехотных минах. В любом случае даже эти сведения сильно отличаются от умозрительных оценок, приводимых сторонниками «антисоветской» версии — «сотни заминированных и подорванных зданий».

Показательно, что прочие немецкие учреждения и военные инстанции во

время инцидента на Крещатике ничуть не пострадали, успев вовремя эвакуироваться. Например, штаб 99-й пехотной дивизии очистил «Грандотель», расположенный в 50 м(!) от эпицентра первых взрывов, и занял здание у бывшего Александровского костела. Что касается жертв этого происшествия, то их численность явно завышена современными исследователями.

Оберштурмфюрер СС Август Хефнер из зондеркоманды 4а сообщает, что в месте расквартирования офицеров в военной комендатуре (Крещатик, 30/1) жертв не было; взрывной волной из соседнего здания их лишь «разбросало в разные стороны. Я застал их всех ранеными и в разорванной и запачканной форме».

Потери зафиксированы лишь у воинских подразделений, привлекавшихся впоследствии к тушению вспыхнувших пожаров: в 99-й дивизии из-за неопытности или халатности личного состава за все время погибли около трех десятков людей (к слову, потери этой самой дивизии на поле боя только за один день, 30 июля 1941 г., составили 114 человек).

Между тем задействованные на пожаре части полка пожарной охраны потерь не имели! А переброшенный на «борьбу с огнем» полицейский полк «Юг» и вовсе выполнял в этом районе «особую миссию».

Что происходило в «запретной зоне»?

Один современный историк утверждает, что немцы самоотверженно боролись с огнем и спасли многие исторические здания в центре города для грядущих поколений киевлян. Но непосредственные очевидцы тех событий свидетельствуют об ином. Киевлянка Ирина Хорошунова оставила в своем дневнике такую запись: «Немцы в зону пожара никого не пускали. И никто не знает, что они там делали, тушили или жгли. [...] Было совершенно очевидно, что это очередная провокация, но никто не мог сказать, что она готовит».

Что же реально происходило в «запретной зоне»? На судебных процессах послевоенных лет, прохо-

дивших в ФРГ, всплыли ошеломляющие подробности случившегося.

Оцепление и охрану центра Киева обеспечивали подразделения из полицейского полка «Юг», подчинявшегося высшему руководителю СС и полиции на юге России обер-группенфюреру СС Фридриху Еккельну. Впоследствии участники «обысков» были вынуждены признать на суде, что руководствовались отнюдь не «идейными соображениями». Обервахт-майстер Фердинанд Вальш из 45-го резервного полицейского батальона так охарактеризовал действия своих сослуживцев: «Рота три дня участвовала в этих акциях. Члены этой команды вернулись на место расквартирования с мечами, часами и драгоценностями».

Итак, под видом «поддержания порядка», «борьбы с преступным элементом», «предотвращения диверсий и саботажа» нацисты фактически занимались обычным мародерством, невзирая на якобы грозившую им опасность от «активизации советского подполья». Более того, даже опустошительный пожар в центре города 26—28.09.1941 описывается ими в совершенно ином свете. Уже известный Август Хефнер рассказывал:

«Во время моих частых передвижений или поездок по соответствующим улицам я увидел, что были взорваны дома, которые отстояли от района пожара на расстоянии до 50 метров, и что напротив, т.е. еще дальше, уже горели другие дома. Я спросил двух назначенных там офицеров... Они мне сообщили, что городской комендант распорядился заблаговременно произвести взрывы, перед приближением пожара удалять из развалин все деревянные части и таким образом попытаться сдержать огонь. Едва они произвели последний взрыв, как начали гореть противоположные дома. Так как им это показалось чем-то мистическим, они с штурмовым отрядом проникли в горящие дома и установили, что

Немцы извлекают советские радиомины из Музея Ленина. Сентябрь 1941 г.

своевременно нейтрализовать. Обершарфюрер СС Эрнст Конзее, служивший в зондеркоманде 4а*, дал исчерпывающее пояснение на этот счет: «Мы смогли не допустить взрывов, поскольку они еще не были произведены». Таким образом, Йодль выдавал предполагаемую угрозу за свершившийся факт, допуская ряд откровенных натяжек и сознательных умолчаний.

В первую очередь он скрыл, что план минирования «всех общественных зданий и мест Киева» оказался в распоряжении вермахта в первые же дни оккупации города (донесение айнзатцгруппы Ц* от 28.09.1941). Генерал также утаил факт, что в ру-

черкивалось в немецкой инструкции к советской радиомине от 1.01.1942 г. Кроме того, обширную информацию о взрывных устройствах и минах немцам удалось получить за материальное вознаграждение от местного населения. Впоследствии нацисты отмечали в своих оперативных донесениях высокую эффективность принятых мер: «Участие населения со сведениями о вероятных подрывных зарядах или скрывающихся членах НКВД, партии и Красной армии является очень активным. ...Правдивость этих сведений доходила до 90%».

Таким образом утверждение, что немцы оказались в Киеве застигнутыми врасплох и не смогли ни-